

В ТОТ ДЕНЬ Зоя Виноградова чувствовала себя усталой. Давали знать напряженные репетиции, занятия, беспокойный сон. Поэтому, услышав в телефонной трубке знакомый голос подруги, она не обрадовалась, как обычно. Не особенно приятно было узнать, что на сегодняшнем спектакле будут девушки с завода «Знамя труда». Зоя не удержалась и растерянно, почти жалобно спросила:

— Может быть... не сегодня?

— Ну что ты! Мы уже и билеты купили, и в парикмахерскую сходили. Да ты не беспокойся, мы же свои. Слышишь?

— Да, — машинально ответила она. — До свидания...

Вечером, перед выходом на сцену, стоя у кулисы, Виноградова пыталась лихорадочно повторить давно знакомые слова роли и почувствовала, что не может.

Пожилая актриса прошла было мимо, но, бросив взгляд на ее лицо, вернула.

— Ну, трясушка! — сказала она, с нарочитой досадой махнув рукой. — Опять боится!

Это было произнесено громко, чуть насмешливо. Но Зоя Акимовна уловила в словах искреннее сочувствие, и ей стало легче. Через минуту ее позвали на выход.

Едва выйдя на сцену, словно залитую ослепительным солнцем летнего дня, она уже не ощущала ни усталости, ни страха, ни тревог. Теперь она испытывала глубокий внутренний покой. Собственно, Зои Виноградовой не стало. Вместо нее на подмостках стояла другая, совсем непохожая на нее девушка...

...У каждого когда-то было событие, казалось бы, незаметное, но запомнившееся навсегда. Это событие для изобретателя — первая догадка, для моряка — первый рейс, для ткачихи — первый изготовленный ею метр ткани. У Виноградовой такое событие произошло в ясное зимнее утро, когда она, ученица второго класса, впервые вышла на сцену школьного зала.

— Русский танец! — объявила учительница, ободряюще кивнув девочке.

АКТЕРЫ И РОЛИ

Радость

И Зоя начала танцевать. Всегда стеснительная, робкая, она стала неузнаваемой. Даже мать, которая вместе с другими родителями сидела в зале, недоумевала — откуда у маленькой девочки такое умение? Ее движения были то плавными, грациозными, то стремительными, неустойчивыми. Узнав ее имя, зрители принялись горячо аплодировать, вызывать вновь и вновь.

С тех пор Зоя Виноградова стала неременной участницей кружков художественной самодеятельности. Многие говорили о ее способностях. Но бывало и так, что роли ей удавались слабо, особенно в некоторых драматических спектаклях. Тогда возникало сомнение — вдруг способностей нет, а есть только увлечение, бесплодное увлечение?..

Окончив школу, Зоя Виноградова стала чертежницей завода «Знамя труда».

Но где бы человек ни работал, как бы ни сложилась его жизнь, истинное призвание не даст ему спокойно сидеть на месте. Оно будет бередить его сердце тревожащими мечтами, заставит забыть об отдыхе, о личной жизни. Как только кончались рабочие часы, чертежница стремглав мчалась в комнату, где проходили занятия кружков. Она участвовала во всех — в танцевальном, хоровом, вокальном. И вот настало время, когда преподавательница решила показать руководителям Театра музыкальной комедии свою ученицу.

Это произошло после дневной репетиции, когда театр становится похож на старинный нежилкой дом и в нем так тихо, что слышен каждый шаг в полутемных фойе. Зал был пуст, от него веяло холодом, и девушке, впервые вступившей на сцену, стало одиноко и страшно.

— Что же вы будете испол-

нять? — спросил Зою седой плотный человек с пристальным взглядом.

— Я могу... арию Есении из «Девичьего переполоха». И еще — песенку Пепиты из «Вольного ветра». Затем могу...

— Хорошо, — остановили ее. — Начнем...

Виноградова начала. Она не пела, не танцевала, а именно играла — все движения ее были легкими, непринужденными и в то же время точными, несильный голос звучал свободно, без напряжения. Окончив, Зоя заметила, что седой человек улыбается. Лицо его неуловимо помолодело, глаза искрились весельем.

Мечта осуществилась. Но вместе с удовлетворением работа в театре принесла много забот и тревог. Надо было пополнять образование. Виноградова выполняла поручения комсомольской организации, выступала в шефских концертах.

Все свободное время отнимали актерские занятия. Великая «грамматика драматического искусства», созданная Станиславским, стала настольной книгой. Много раз перечитывала она фразу: «Творчество основано на чувстве, и поэтому нельзя постигать его одним разумом, а надо прежде всего ощущать его...» Простые, ясные слова было легко понять, но осуществить их на деле — очень сложно, и молодой артистке пришлось испытывать это постоянно.

Как-то на репетиции Виноградовой, игрившей взбалмошную девушку, понадобилось бросить повелительную реплику матери жениха, назвав ее «мамочка». Зоя Акимовна очень любит свою мать, старую работницу, гордится ею. Именно по-

этому в словах актрисы вместо капризной требовательности звучала просительная, мягкая нотка.

— Да нет же! — говорил ей режиссер. — Нужно сказать так... — И он твердо, зло произнес реплику. Все засмеялись. Это было смешно, ибо слова вздорной девчонки совершенно не подходили к внешности пожилого человека, с лицом, изрезанным морщинами. Однако именно так и следовало говорить Виноградовой. Но у нее не получалось. Актриса много часов подряд репетировала эту маленькую реплику, которая занимает в спектакле лишь несколько секунд.

За семь последних лет в репертуаре Зои Виноградовой были самые различные роли. Кажется, что может быть общего между скромной институткой Лизой в «Марице», бойкой непоседой Пепитой из «Вольного ветра», придурковатой Лукерьей по прозвищу «Божь, кости да перья» из «Девичьего переполоха»?

Однажды Виноградовой поручили роль Стасси в оперетте «Сильва». Изучение роли подвигалось быстро, но не удовлетворял танец. Актриса чувствовала, что он должен быть как бы символом характера Стасси — капризно-переменчивого. Вновь и вновь Зоя Акимовна повторяла танец, оставаясь вместе с партнером после репетиции. А теперь Стасси — Виноградова легко танцует и почти одновременно поет, разговаривает. Нельзя заметить эти переходы, они неуловимы, как в жизни.

Нет ничего тяжелее, чем отказаться навсегда от какой-либо любовно обдуманной детали, которая, по твоему замыслу, должна вернее показать образ. Тот, кто нетерпеливо ищет, часто ошибается. Иногда Виноградовой приходится отказы-

ваться от своего первоначального замысла, ибо становится очевидной ошибка, которая нарушает целостность образа. Приходится начинать все сначала... Но бывают и явные, беспорные удачи, и тогда зритель — верный барометр успеха — щедро вознаграждает актрису.

...Спектакль окончился, когда часы показывали около полуночи. Сняв грим, быстро переодевшись, Зоя Акимовна вышла из театра вместе с последними зрителями. Шел густой снег, подгоняемый ветром, его хлопья рыхлой пленой устилали дорогу. Возле дверей стояли девушки с фабрики. Вместе с ними была полная женщина в пуховом платке — одна из пожилых работниц. Зоя Акимовна увидела ее, и сердце дрогнуло — она знала, что эта женщина любит сказать правду, если даже она тебе явно не по вкусу.

Актриса подошла, поздоровалась, и подруги наперебой стали ее позд-

рывать. Отвечая им, Зоя Акимовна нисколько не поглядывала на пожилую женщину. Та стояла, задумчиво глядя перед собой, и на лице ее, обычно строгом, решительном, сейчас не было глубокой складки между бровями. Она повернулась к Виноградовой и положила ей руку на плечо.

— Спасибо, доченька, — тихо сказала она. — И еще тебе добавила: — Только не заносись, старайся...

На углу все шумно распрощались. Виноградова решила было сесть в автобус, но раздумала. Усталость прошла, хотелось идти и идти по улицам, бездумно и легко, как в детстве.

Е. ВАСИЛЬЕВА

На снимке: З. Виноградова и костюмер М. Иванова перед спектаклем

Фото Г. Чертова